

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТЭКОНОМИЯ: ПРЕДМЕТ И МЕТОД

© 2017 г. А. Олейнов

Статья посвящена междисциплинарному направлению исследований международных процессов – международной политэкономии. Рассмотрены предпосылки возникновения дисциплины, спектр исследуемых проблем на современном этапе ее развития, методологические отличия от политологических и экономических направлений анализа международных процессов. В условиях отсутствия в академических работах консенсуса в определении предмета и метода международной политэкономии конкретизируются границы предметного поля дисциплины и формулируется методологическое ядро политэкономических исследований международных процессов.

Ключевые слова: международная политэкономия, международные отношения, теория международных отношений, международная экономика.

Статья получена 30.07.2016.

DOI:10.20542/0131-2227-2017-61-2-54-64

Мультиаспектность современных международных процессов – очевидный и признанный факт. Лишним тому доказательством является наблюдаемый сегодня плюрализм мнений относительно глобальных угроз. Так, согласно опросам участников ежегодных встреч в рамках Всемирного экономического форума в Давосе, к наиболее вероятным и значимым рискам для современного мира политические лидеры, руководители международного бизнеса, эксперты и представители СМИ сегодня относят весьма широкий спектр событий: от межгосударственных конфликтов, природных катастроф и распространения оружия массового поражения до экономических шоков, инфекционных болезней и мошенничеств в информационной сфере [1].

Реакция академического мира на усложнение процессов на международной арене неоднозначна. Здесь можно выделить как минимум две основные формы научной рефлексии: первая – монодисциплинарные эволюционные изменения методологии традиционных направлений анализа (конструктивизм А. Вендта [2] в политологии международных отношений, теория конкурентных преимуществ М. Портера [3] в экономической науке и др.); вторая – активизация междисциплинарных методов исследований. В последнем случае речь в первую очередь может идти об усилении интеграции между политологией, или так называемой теорией международных отношений (*International Relations Theory/Theories*¹), и международной экономикой

(*International Economics*) и появлению в результате новой академической дисциплины по международным отношениям – международной политэкономии (*International Political Economy*).

Монодисциплинарные изменения в методологии научного анализа международных процессов широко отражены в работах отечественных исследователей. В то же время фундаментальных работ российских авторов по международной политэкономии (в ее современной, а не марксистской или смитовской версиях) – единицы². Западная же академическая мысль демонстрирует здесь не только зрелость метода, но и высокую прикладную эффективность политэкономических инструментов анализа.

Цель настоящей статьи двояка: во-первых, учитывая непроработанность проблем использования современного политэкономического инструментария в российских исследованиях международных процессов, раскрыть предпосылки, теоретические основы и прикладной аспект международной политэкономии; во-вторых, в условиях существующего в западных академических работах многообразия в определении предмета и метода международной политэкономии попытаться выделить теоретическое ядро политэкономических исследований международных процессов.

Прежде всего будут рассмотрены предпосылки появления и эволюция международной политэкономии как отдельного направления международных исследований. Основная задача состоит в определении и обобщении методологических признаков исследуемой дисциплины. Далее усилия автора направлены на систематизацию накопленного

ОЛЕЙНОВ Антон Геннадьевич, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики МГИМО (У) МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76 (oleinov@mgimo.ru).

¹ Теория или теории международных отношений? Этот вопрос до сих пор остается дискуссионным в академической среде.

²Прежде всего отметим исследования С.А. Афонцева [4; 5], а также отдельные работы других авторов [6; 7].

теоретического знания с целью выхода на аксиоматику дисциплины. Завершит исследование попытка политэкономической концептуализации процесса глобализации, отражающая прикладной аспект формулируемых в работе теоретических основ международной политэкономии.

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТЭКОНОМИИ

Первые работы, заложившие методологические основы международной политэкономии (далее – МПЭ), были опубликованы в 1970-х годах, когда мир столкнулся с явлениями, которые в рамках политологических парадигм международных отношений (неореализм, неолиберализм, неомарксизм) не получали полноценного объяснения. С начала 1970-х годов экономические вопросы стали все чаще выходить на первый план во внешней повестке дня (распад Бреттон-Вудской системы в 1971 г., мировые нефтяные кризисы 1973 и 1979 гг., экономический спад 1974 г. в развитых странах), что подтолкнуло политологов обратиться к работам представителей экономической науки. В результате получили распространение исследования на стыке двух отраслей знания: теории международных отношений (ТМО) и международной экономики [см., например, 8; 9; 10; 11; 12], а в ведущих академических изданиях актуализировались дискуссии об экономической и политической “картинах” мира [13].

Встраивание экономических понятий и концепций в теоретический аппарат политологии международных процессов заложило основы для появления комплексных работ по МПЭ. Первыми стали коллективная монография под редакцией экономиста Т. Сандлера (1980 г.) [14], труд политолога Р. Гилпина (1987 г.) [15] и коллективная монография под редакцией экономиста Дж. Фридена и политолога Д. Лейка (1987 г.) [16].

1980-е годы охарактеризовались не только формированием МПЭ как отдельной научной дисциплины, но и выходом за рамки одноуровневой государственно-центристской картины мира, характерной для политологических парадигм. Расширяется субъектность в МО, внимание акцентируется на роли негосударственных субъектов – граждан, групп давления, бизнеса и других акторов – в процессах взаимодействия государств. Одновременно меняется отношение к “механике” внешнеполитических решений: стандартом политэкономических исследований становится учет политической поддержки таких решений внутри государств [см., например, 17; 18; 19; 20; 21; 22].

Отличительными чертами следующего этапа стали появление и эволюция формальных моделей

МПЭ [23; 24; 25; 26 и др.], а также выход на первый план проблемы распределения ответственности между различными уровнями принятия политических решений в международных отношениях: национальным, региональным, международным, глобальным [см., например, 27; 28; 29; 30; 31]. Происходит дальнейшее обогащение МПЭ теоретическим и эмпирическим материалом, накопление знания ведет к появлению новых комплексных работ [32; 33; 34; 35], специализированных академических изданий³, исследовательских центров и профессиональных ассоциаций⁴. Создается профильная секция в Ассоциации международных исследований (*International Studies Association, ISA*), появляются соответствующие академические институты⁵ и учебные программы в университетах Европы, США и Азии⁶.

Таким образом, можно выделить несколько основных этапов эволюции МПЭ во второй половине XX – начале XXI в.:

- 1970-е – синтез политической и экономической “картин” мира;
- 1980-е – формирование многоуровневого подхода к исследованию международных отношений;
- 1990-е – формализация МПЭ;
- 2000-е – поиск баланса между разными уровнями принятия решений на международной арене.

Толчком к оформлению международной политэкономии как научной дисциплины послужили не только отсутствие экономического измерения в теории международных отношений, но и развитие самих экономических теорий и моделей международных процессов, методологическая экспансия экономической науки в политологию, возрождение политэкономии как научной дисциплины (появление так называемой новой политэкономии).

Экономические вызовы для теории международных отношений 1970-х годов совпали с динамичным развитием международных и междисциплинарных экономических исследований. Послевоенный период – период становления

³В частности: *International Journal of Political Economy* и *Review of International Political Economy*, издаваемые Taylor & Francis Group соответственно с 1988 и 1994 гг.

⁴Например: *Centre for Global Political Economy* (University of Sussex), действующий с 2000 г.; *Centre for Global Political Economy* (Simon Fraser University) – с 2003 г.; *European Centre for International Political Economy* (ECIPE) – с 2006 г.; *Amsterdam Research Centre for International Political Economy* (VU University) – с 2009 г.

⁵Например: *Institute for International Political Economy Berlin* (IPE Berlin), *Berlin School of Economics*.

⁶В частности в: *London School of Economics* (MSc), *University of Kassel* (MA); *King's College London* (MA, PhD), *Copenhagen Business School* (MSc), *Nanyang Technological University* (MSc, PhD); *University of Texas at Dallas* (MSc).

международной экономики как научной дисциплины и появления ее базовых теорий в экономической науке (теория таможенного союза Я. Винера [36] и Дж. Мида [37], теория международной интеграции Б. Балассы [38], теория оптимальных валютных зон Р. Манделла [39] и др.)⁷; период активизации экономического анализа социально-политических процессов (теория общественного выбора, конституционной экономики и др.)⁸. Именно интеграция методологического инструментария международной экономики и экономического анализа политических процессов в политологические парадигмы стала основным направлением поиска оптимального соотношения теории и практики для исследователей-международников в 1970-х годах.

В этот же период как в политологии, так и экономической науке сформировалось понимание того, что тесное переплетение политических и экономических вопросов на практике делает неэффективным использование монодисциплинарных инструментов анализа. Попытки объяснить, как взаимодействует политика и экономика в целом (не только на международной арене), актуализировали междисциплинарный политэкономический подход к исследованию социальных процессов. Главной задачей “новой политэкономии”⁹ стало разрешение наметившихся противоречий и “разработка более реалистичного и адекватного подхода к теории и политике” [43].

Междисциплинарность предмета и метода стала главной отличительной чертой МПЭ как направления научных исследований. Международные процессы и явления, охватываемые политэкономическими исследованиями, обширны. Это торговля и финансовые отношения, экономическое развитие и транснационализация, межгосударственное сотрудничество и процессы регионализации и интеграции, деятельность государств и негосударственных субъектов и пр. Еще шире круг проблем, изучаемых в рамках дисциплины: экономические выгоды и издержки политических решений в международных отношениях; влияние внешнеполитических решений на их общественную поддержку внутри стран; экономическая эффективность распределения ответственности между различными уровнями принятия политических решений (национальным, региональным, международным, глобальным); связь между степенью демократизации субъектов международных

отношений и уровнем экономической интеграции между ними, экономические предпосылки формирования политической карты региона/мира, совершенствование механизмов глобального управления и пр.

Широта проблем, поднимаемых в политэкономических работах, затрудняет определение предмета МПЭ. К нему относят и “процессы взаимодействия между общественным и частным в вопросе распределения ограниченных ресурсов” [44, р. 18] и “взаимодействие между государством как суверенной территориальной единицей и рынком как координирующим механизмом, где покупатели и продавцы обмениваются товарами и услугами по ценам, определяемым предложением и спросом” [45, р. 3], и “политическую борьбу между победителями и проигравшими в глобальном экономическом обмене” [46, р. 2].

Пока рано говорить и об единой методологии МПЭ. В одних исследованиях понятийный аппарат ТМО используется наряду с теоретическими инструментами экономической теории и международной экономики (деятельность групп давления, например, рассматривается как причина отказа от политики свободной торговли), в других – приоритет отдается междисциплинарному синтезу методологического инструментария политической и экономической наук (внешняя политика государства в той или иной сфере рассматривается, например, как услуга, которая продается и покупается на внутреннем или международном рынке).

Несмотря на противоречия и недостаточную методологическую проработанность МПЭ, уже можно сделать определенные обобщения в отношении ее предмета и метода как научной дисциплины. Во-первых, предмет МПЭ – дихотомичен. Как “наука о взаимодействии экономики и политики на мировой арене” [47, р. 1], МПЭ, с одной стороны, изучает политические предпосылки/факторы экономических процессов на международной арене, с другой – экономические предпосылки/факторы международных политических процессов. Во-вторых, метод МПЭ – использование относительно (прежде всего в сравнении с ТМО) строгого набора инструментов анализа. Комбинирование методологии политической и экономической наук привело здесь к формированию собственного теоретического ядра. На концептуальном уровне его формируют теория гегемонистской стабильности, теория транснационализации, теория международных режимов и конструктивизм, на формальном – теория игр.

⁷ См. подробнее [40].

⁸ См. подробнее [41].

⁹ О различиях между старой и новой политэкономией см. [42].

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЯДРО МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТЭКОНОМИИ

Теория гегемонистской стабильности (*hegemonic stability theory*) и **теория транснационализации** (*transnational theory*) позволили в 1970-х годах впервые концептуально объединить взгляды политологов и экономистов на международные процессы. Базовые допущения первой из названных теорий были сформулированы экономистом Ч. Киндлбергером [48], основные положения второй – политологами Р. Кеохейном, Дж. Наем [49], С. Хантингтоном [50] и Дж. Розенау [51]. Киндлбергер определил общую для мировой экономики и политической системы международных отношений предпосылку стабильности: наличие державы-лидера, обеспечивающей стандарты поведения в международных отношениях, а также несущей основные затраты по поддержанию глобальной экономической системы. Теория транснационализации в свою очередь постулирует многомерный подход к международным процессам. В соответствии с ним власть (сила) проявляется в разных сферах (включая экономические: производство, торговлю, финансы и др.), а государства представляют собой объединения отдельных функциональных составляющих (норм и институтов, людей и учреждений, идеологий и ценностей, территории и ресурсов и пр.).

Перечисленные теории стали краеугольным камнем в формировании в рамках МПЭ плюралистической картины мира, где действуют тысячи субъектов, чьи интересы связаны с пересечением национальных границ. Государства больше не единственные субъекты международных отношений, а самые мощные из них (даже держава-гегемон), хотя и играют заметную роль на международной арене, ограничены в своих возможностях. В решении определенных проблем государства могут доминировать, в иных случаях центральную роль способны играть негосударственные игроки. При этом последние могут оказывать заметное влияние на политику государств и даже определять ее.

В 1980-е годы с появлением **теории международных режимов** (*regime theory*) концептуальное доминирование теории гегемонистской стабильности и транснациональной теории в МПЭ ослабло. В международной политэкономии закрепилось представление о том, что существование международных систем (например, международной валютной системы) лишь частично зависит от державы-гегемона. Действия гегемона ограничены международными режимами – “явными и неявными принципами, нормами, правилами и процедурами принятия решений, вокруг которых складываются ожидания акторов в конкретной сфере” [52, р. 1]. Международные режимы являются следствием общих интересов и результатом добровольного

сотрудничества между рационально действующими субъектами международных процессов. Более того, они содействуют децентрализованному сотрудничеству между ними¹⁰.

Идеалистическая компонента концептуального ядра МПЭ, сформированная теорией международных режимов, была в последующие годы расширена. Распад СССР и окончание холодной войны привели к возрождению идеализма в ТМО. Особенно заметным стал возврат к идеям **социального конструктивизма**, которые первым в контексте международных отношений переосмыслил А. Вендт [2].

Идея о том, что международные отношения – это социальная конструкция знаний, придающая значение материальному миру (принципы организации обществ внутри государств влияют на формирование принципов организации международных отношений¹¹), актуализировала необходимость многоуровневого подхода к исследованию природы поведения субъектов международных процессов. Для МПЭ раскрытие внутренних социальных ограничений внешнеполитических и внешнеэкономических решений превратилось в своего рода методологический стандарт дисциплины. Важным условием политэкономических исследований международных процессов стало инкорпорирование в теоретические модели внутренних интересов субъектов международных отношений (например, предпочтений граждан относительно внешнеполитических действий национальных правительств), а также учет влияния внешних (международных) факторов на изменение интересов внутри самих субъектов (например, интересы бизнес-структур внутри государств).

Концептуальные рамки современного политэкономического анализа международных процессов представляют собой синтез рассмотренных выше теорий. Результат этого синтеза – многоуровневый, многофакторный и мультисубъектный подход к исследованию природы международных отношений. Если ТМО уделяет основное внимание позиции государств в международной системе и ее изменению в ответ на изменения внешних условий, а экономистов больше интересуют трансграничные последствия макроэкономической политики и их влияние на саму макроэкономическую политику, то политэкономия исходит из того, что действия субъектов международных отношений определяются в том

¹⁰См. подробнее [53].

¹¹Государства с рыночной экономикой будут стремиться к открытой системе международных отношений, а демократические государства – к дипломатическому решению конфликтов, поскольку такие приоритеты отражают их подход в решении внутренних проблем.

числе эндогенными факторами: общественным мнением, внутриэкономическими интересами и пр.

Доминированию наднационального измерения международных процессов и игнорированию влияния внутренних факторов (внутренней экономической или политической ситуации) на внешнеполитическую стратегию государств МПЭ “противопоставляет” учет интересов участников (как государственных, так и негосударственных) внутривнутриполитических и внутриэкономических процессов, принимая во внимание то, как внешние (международные) факторы меняют картину интересов внутри государств.

Противоречия между экономическими и политическими векторами развития международных процессов в МПЭ исследуются не только на концептуальном уровне. В результате выбора “экономически наиболее эффективных предложений из числа политически возможных (политически эффективных) рекомендаций” [54, с. 44] здесь формулируются целевые функции субъектов международных отношений и определяются алгоритмы действий, оптимизирующих отношения на международной арене. Ключевую роль в таком выборе играет формальный инструментарий МПЭ.

Если концептуальная матрица МПЭ – результат методологического синтеза ТМО, международной экономики и экономического анализа политических процессов (в частности, теории общественного выбора), то ее формальный аппарат – вклад экономической науки. Уже на уровне аксиоматики МПЭ использует традиционные для экономистов методы формализации: математические, статистические, эконометрические и пр. На концептуальном же уровне активно применяются специфические (заимствованные из международной экономики) методы: теория игр, модели фискального федерализма [55, 30, 56], гравитационное моделирование [57; 58; 59] и др.

Таким образом, формальный уровень политэкономического анализа международных процессов – это поиск равновесия между максимумами многофакторных и многоуровневых целевых функций действующих политических сил, при котором институциональная сторона международного взаимодействия эффективна и стабильна. Как следствие, результаты теоретических построений могут демонстрировать отклонения поведения субъектов международных процессов от действий, максимизирующих их субъективное благосостояние (то есть свидетельствовать об экономически неэффективном политическом выборе). Это наблюдается при применении всего спектра формального аппарата МПЭ. В качестве примера можно привести использование наиболее популярного сегодня инструмента

политэкономического моделирования международных процессов: многоуровневых игровых моделей (*multi-level games*).

Основополагающей работой в обосновании теоретико-игровых построений МПЭ принято считать работу политолога Р. Патнема “Дипломатия и внутренняя политика” [60]. Используя теорию игр, Патнем выстроил аналитическую схему моделирования связи между двумя уровнями принятия политических решений: внутренней политикой и процессами международного взаимодействия. Несмотря на то, что полученную двухуровневую игровую модель сам автор не считал “описательно точной” [60, р. 436], логика ее построения в последующие годы стала универсальным инструментом для обоснования широкого спектра международных процессов: от международной торговли [61; 62] до формирования политической карты мира [24, 63].

С позиций методологии экономического анализа модель Патнема – лишь этап в ее эволюции. Первые формальные теоретико-игровые экономические модели международных процессов были предложены еще в 1970-х годах (см., например, [64; 65]). К концу же 1980-х годов они уже широко использовались экономистами (см., например, [66; 67; 68]). Основным результатом – понимание того, что некооперативное поведение национальных правительств ведет к неэффективному взаимодействию государств на международной арене, а проведение независимой внутренней макроэкономической политики – преимущественно к отрицательным внешним последствиям. Следствием такого понимания стало признание необходимости координации действий между государствами в целях минимизации негативных последствий от внутривнутриполитических решений. Такая координация не всегда является наилучшей стратегией в экономических моделях¹², однако в целом ведет к повышению благосостояния в согласовывающих свою политику государствах.

Главное отличие политэкономических теоретико-игровых моделей от моделей их методологического “донора” – международной экономики – состоит в том, что они охватывают более широкий круг факторов (например, инерционность принятия решений), условий (например, монополистическая конкуренция) и субъектов (например, террористические организации, домашние хозяйства и др.). В силу этого результаты формальных построений МПЭ не столь однозначны, как экономических.

¹²Например, скоординированная денежно-кредитная политика может обострить проблему доверия между центральными банками и частным сектором, вести к более высокой инфляции и падению промышленного производства по сравнению с ситуацией, когда координация отсутствует [69].

Наряду с характерным для международной экономики выводом о том, что любой международный договор ведет к экономии транзакционных издержек на международной арене¹³, в политэкономических моделях показывается: выгоды и издержки процессов взаимодействия в международных отношениях распределяются неодинаково. Всегда будут “проигравшие” и “выигравшие” (если не среди непосредственных участников, то как минимум среди тех, кого они представляют¹⁴). В итоге экономическая эффективность какого-либо внешнеполитического или внешнеэкономического решения может быть недостаточной для его успешной реализации в силу недостаточной политической поддержки такого решения внутри страны.

Обозначенная гибкость теоретико-игровых политэкономических моделей в допущении односторонне неэффективных действий со стороны субъектов международных процессов свойственна всему спектру формальных инструментов МПЭ. Независимо от используемого метода моделирования международных процессов ключевой задачей политэкономических исследований является распределение ответственности между различными уровнями принятия политических решений: национальным, международным, глобальным. В его основе гипотеза о том, что перераспределение издержек предоставления общественных благ между разными юрисдикциями является эффективным экономическим инструментом нейтрализации внешних эффектов (например, макроэкономических шоков).

Экстерналии (последствия) принятия решений на национальном, региональном, глобальном уровнях могут значительно различаться, что определяет их экономическую эффективность, которая в свою очередь может служить критерием для выбора уровня принятия политического решения. При прочих равных условиях, если последствия использования каких-либо общественных благ выходят за границы государств, то их распределением экономически целесообразно заниматься на международном или глобальном уровнях¹⁵.

¹³Такая экономия чаще всего принимает в политэкономических моделях форму экономии издержек предоставления общественных благ (как международных, так и внутри государств).

¹⁴Например, внутри государств, заключивших какой-либо международный договор или присоединившихся к какому-либо международному соглашению.

¹⁵И наоборот: если выгоды и издержки от использования каких-то благ локальны (то есть интерес в отношении каких-то благ проявляет лишь отдельный субъект) или предпочтения в отношении тех или иных благ значительно отличаются между субъектами международных отношений, то принятие решения о предоставлении таких благ на международном или глобальном уровне будет неэффективным.

Таким образом, как формальный, так и концептуальный анализ МПЭ выводит на первый план внутренние факторы и предпосылки международных процессов. Поведение субъектов международных отношений (или, иными словами, принятие решений в международных отношениях) ограничивается уже не только взаимными интересами (как это постулируется в ТМО). А национальные правительства уже не просто независимые максимизаторы общественного благосостояния, выбирающие ту экономическую политику, которая необходима для конкретного общества (как это постулируется в теории международной экономики). Важным условием для понимания характера современных международных процессов становится инкорпорирование в теоретические модели внутренних ограничений субъектов международного взаимодействия. Внешние же ограничения должны обязательно учитывать интересы негосударственных субъектов международных процессов.

ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТЭКОНОМИИ

В англоязычной литературе МПЭ все чаще обозначается термином “глобальная политэкономия” (*global political economy*) [32; 33; 35] с соответствующим расширением предметного поля: “Международная политэкономия изучает, как политика определяет развитие событий в глобальной экономике и как глобальная экономика определяет политику” [46, р. 1]. Глобализация для МПЭ – явление комплексное, охватывающее как материальные, так и нематериальные процессы. Становление единой мировой экономической системы, функционирующей по общим правилам, лишь одно из проявлений глобализации. Глобализация – результат действия механизма рынка. И в этом смысле она – естественный и необратимый процесс, ведущий к росту трансграничной взаимозависимости и увеличению числа субъектов международных отношений (от обычных людей до транснациональных корпораций, от государств и межправительственных организаций до общественных организаций, групп интересов и неправительственных организаций).

Последствия глобализации при этом неоднозначны. Они могут быть как положительными (деполитизация экономических процессов, стандартизация национальных институтов, ослабление национализма и пр.), так и отрицательными (более высокая уязвимость перед внешними шоками, усиление влияния транснационального капитала, глобальные “провалы рынка” и пр.). При этом сам процесс признания тех или иных результатов глобализации положительными или

отрицательными – вопрос социальных ценностей и убеждений¹⁶.

Для МПЭ главная проблема глобализации – глобальное управление (*global governance*). Она признает необходимость глобального управления в любом случае, включая ситуацию свободы рыночных отношений. Глобальное управление для политэкономии – неотъемлемая часть глобальных процессов, что обусловлено их возможными негативными последствиями и потребностями мирового сообщества в их нейтрализации. В международной экономике превалирует представление о том, что свободно функционирующие рынки не только “самокорректируются”, но и производят социально оптимальные результаты (или, по крайней мере, результаты, превосходящие результаты действия нерыночных механизмов)¹⁷, а в ТМО доминирует идея о том, что в мире, политически разделенном суверенитетом государств, последние всегда будут вмешиваться в рыночные процессы (полная свобода рыночных сил возможна в случае полного отказа от суверенитета)¹⁸, а любой глобальный институт будет исходить из той роли (как минимум формальной), которую государства играют в международных отношениях.

В рамках МПЭ глобальное управление определяется как многоуровневое, полицентричное и мультисубъектное с возрастающей ролью неформальных норм и правил (корпоративные кодексы поведения, религиозные догмы и т.п.). Ситуация с одной всеобъемлющей политической властью, наделенной исключительными полномочиями (так называемым мировым правительством), здесь не предусматривается¹⁹. Это обусловлено, во-первых, расширением круга субъектов международных процессов и усилением влияния негосударственных игроков; во-вторых, сохранением института суверенитета. В глобализирующемся мире ни один субъект или даже их группа не способны определять все международные процессы или доминировать на международной арене сразу во всех сферах. Несмотря на то что государства теряют свою автономность вследствие глобализации, а их роль во внутренних и международных процессах снижается, суверенитет государств препятствует монополизации глобального управления. В мире с политическими границами государства

(и правительственные организации) остаются – хорошо это или плохо – единственными формально свободными субъектами, способными игнорировать международные соглашения²⁰.

В отличие от ТМО или международной экономики, для МПЭ национальный суверенитет – не помеха глобализации. В то же время государства в политэкономии – фактор возможной дестабилизации в масштабах планеты, поскольку они по определению не заинтересованы действовать в интересах других субъектов МО. Как следствие, в решении глобальных проблем, таких как бедность, эксплуатация труда, детское рабство, нарушения прав человека и др., в рамках МПЭ особое значение придается негосударственным субъектам, которые могут играть определяющую роль в формировании на наднациональном уровне общественного мнения, способного оказывать “внешнее давление”²¹ на правительства. Основное внимание уделяется так называемому третьему сектору (в дополнение к публичному и частному секторам): неправительственным организациям, транснациональным общественным движениям (таким, например, как антиглобалисты), аналитическим центрам (*think-tanks*) и пр.

Транснациональные негосударственные и нерыночные (некорпоративные) субъекты, как правило, не располагают значительными финансовыми ресурсами и не наделены нормотворческими и контрольными функциями, как государства и межправительственные организации. Однако в парадигме МПЭ представители третьего сектора преследуют не индивидуальные, а общественные цели. Они выступают за общественные блага, которые на глобальном уровне превращаются в так называемые глобальные общественные блага. К ним политэкономия относит весьма широкий спектр неделимых и неисключаемых материальных или нематериальных благ²²: поддержание мира, международную безопасность, стабильность мирового экономического развития, неизменность глобального климата, гендерное равенство, соблюдение прав человека, ликвидацию бедности, повышение грамотности, профилактику инфекционных заболеваний, охрану окружающей среды и пр. Прямая связь деятельности третьего сектора с общественными благами в конечном итоге формирует рамки глобальных дискуссий,

¹⁶ Пример: либерализация рынков капитала.

¹⁷ Иными словами, для международной экономики идеал – саморегулирование глобальных рынков.

¹⁸ Для ТМО саморегулирование глобальной экономической системы – абстракция в условиях суверенитета государств и, как следствие, государственно-центристской системы международных отношений.

¹⁹ При этом МПЭ допускает вариант мирового правительства де-факто, а именно: глобальную гегемонию в отдельных сферах глобальных отношений (пример: роль США в международной финансовой системе).

²⁰ Что особенно характерно для наиболее сильных государств в том случае, если такие соглашения не соответствуют их национальным интересам.

²¹ Такое давление оказывается не обязательно из-за пределов страны. Давление групп внутри страны также является внешним для государства.

²² Подробнее об определении глобальных общественных благ см. [70].

наполняя и делая актуальными проблемы, требующие внимания всего международного сообщества.

Сформулированные выше допущения относительно глобальных процессов не являются исчерпывающими для МПЭ. Тем не менее они позволяют продемонстрировать комплексный и сбалансированный характер ее теоретического аппарата. Если в ТМО внутренние и международные последствия глобализации – предмет дискуссии, а в международной экономике, как правило, глобализация – положительное явление, то концептуальный уровень МПЭ позволяет сформировать более конкретную, чем в рамках ТМО, и более широкую, чем у экономистов, картину глобальных процессов. К тому же характерный для МПЭ подход, учитывающий эндогенный характер внешнеполитических решений и многообразии субъектов международных отношений, позволяет получить более реалистичные выводы относительно общемировых международных процессов.

* * *

По сравнению с другими академическими направлениями исследований международных процессов у МПЭ самое широкое предметное поле. Обширен и набор используемых здесь теоретических инструментов, выбор которых зависит от того, какой именно аспект или процесс международного взаимодействия находится в центре внимания исследователя. Теоретическое ядро МПЭ имеет следующую структуру:

1. Предмет исследования: дихотомия политических факторов экономических процессов на

международной арене и экономических факторов международных политических процессов.

2. Методология: дихотомия параллельного использования методологического инструментария политической и экономической наук и их синтетических теорий, концепций, моделей.

3. Концептуальный уровень: синтез междисциплинарных теорий международной экономики и неореалистической парадигмы ТМО (теория гегемонистской стабильности), международной экономики и неолиберальной парадигмы ТМО (теория транснационализации и теория международных режимов) и конструктивистской парадигмы ТМО.

4. Формальный уровень: традиционные формальные методы экономической науки и специфические формальные инструменты международной экономики.

Внимательный исследователь увидит в МПЭ формирование эклектической парадигмы, претендующей на объяснение взаимодействия внутренней и внешней политики, национальных и наднациональных уровней принятия политических и экономических решений, разных типов субъектов, принимающих такие решения (круг которых не ограничен национальными правительствами). В основе такой парадигмы – методология политической и экономической наук в приложении к процессам на международной арене (теорий международных отношений и международной экономики). Ее задача – обеспечить многоуровневый, многофакторный и мультисубъектный теоретический подход к международным процессам, позволяющий создавать более гибкие инструменты исследования, преодолевать концептуальные противоречия, характерные для монодисциплинарных подходов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *World Economic Forum's Global Risks Perception Survey*. Available at: <http://reports.weforum.org/global-risks-2016/> (accessed 15.06.2016).
2. Wendt A. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics. *International Organization*, 1992, vol. 46, no. 2, pp. 391-425.
3. Porter M. *The Competitive Advantage of Nations*. New York, Free Press, 1990. 855 p.
4. Афонцев С.А. Политико-экономический анализ внешнеторговой политики. *Экономическая школа*, 2011, № 7, сс. 31-42 [Afontsev S.A. Politiko-ekonomicheskii analiz vneshnetorgovoi politiki [Political Economy Analysis of Foreign Trade Policy]. *Ekonomicheskaya shkola*, 2011, no. 7, pp. 31-42.]
5. Афонцев С.А. *Политические рынки и экономическая политика*. Москва, Ленанд, 2015. 384 с. [Afontsev S.A. *Politicheskie rynki i ekonomicheskaya politika* [Political Markets and Economic Policy]. Moscow, Lenand. 384 p.]
6. Олейнов А.Г. Экономическое моделирование международного взаимодействия: международная экономика и международная политэкономия. *Вестник МГИМО-Университета*, 2013, № 28 (1), сс. 102-112. [Oleinov A.G. Ekonomicheskoe modelirovanie mezhdunarodnogo vzaimodeistviya: mezhdunarodnaya ekonomika i mezhdunarodnaya politekonomiya [Economic Analysis of International Interaction: International Economics and International Political Economy]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2013, no. 28(1), pp. 102-112.]
7. Ткаченко С.Л. Международная политэкономия – российская школа. *Вестник СПбГУ (Серия 6)*, 2015, № 4, сс. 106-118. [Tkachenko S.L. Mezhdunarodnaya politekonomiya – rossiiskaya shkola [International Political Economy – Russian School]. *Vestnik SPbGU (Seriya 6)*, 2015, no. 4, pp. 106-118.]

8. Ruggie J. Collective Goods and Future International Collaboration. *American Political Science Review*, 1972, vol. 66, pp. 874-893.
9. Bergsten C.F., Krause L.B., eds. *World Politics and International Economics*. Washington, Brookings, 1975. 359 p.
10. Spero J.E. *The Politics of International Economic Relations*. London, Allen & Unwin, 1977. 326 p.
11. Keohane R., Nye J. *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. Boston, Little, Brown & Co., 1977. 300 p.
12. Snidal D. Public Goods, Property Rights, and Political Organizations. *International Studies Quarterly*, 1979, vol. 23, pp. 532-566.
13. *International Organization*, 1975, vol. 29, no 1. Available at: <http://journals.cambridge.org/action/displayIssue?decade=1970&jid=INO&volumeId=29&issueId=01&iid=4280244> (accessed 15.06.2016).
14. Sandler T., ed. *The Theory and Structure of International Political Economy*. Boulder, Westview Press, 1980. 280 p.
15. Gilpin R. *The Political Economy of International Relations*. Princeton, Princeton University Press, 1987. 423 p.
16. Frieden J.A., Lake D.A., eds. *International Political Economy: Perspectives on Global Power and Wealth*. New York, St. Martin's Press, 1987. 420 p.
17. Conybeare J.A.C. International Organization and the Theory of Property Rights. *International Organization*, 1980, vol. 34, no. 3, pp. 307-334.
18. Gilpin R. *War and Change in World Politics*. Cambridge, Cambridge University Press, 1981. 272 p.
19. Kegley C.W., McGowan P., eds. *The Political Economy of Foreign Policy Behavior*. Beverly Hills, Sagem, 1981. 291 p.
20. Fratianni M., Pattison J. The Economics of International Organizations. *Kyklos*, 1982, vol. 35, no. 2, pp. 244-262.
21. Keohane R. The Demand for International Regimes. *International Organization*, 1982, vol. 36, no. 2, pp. 325-355.
22. Frey B. The Public Choice View of International Political Economy. *International Organization*, 1984, vol. 38, no. 1, pp. 199-223.
23. Macey J.R., Colombatto E. A Public Choice Model of International Economic Cooperation and the Decline of the Nation State. *Yale Law School Faculty Scholarship Series*, 1996, no. 1448, pp. 925-956.
24. Alesina A., Spolaore E. On the Number and Size of Nations. *Quarterly Journal of Economics*, 1997, vol. 112, no. 4, pp. 1027-1056.
25. Alesina A., Angeloni I., Etro F. International Unions. *American Economic Review*, 2005, vol. 95, no. 3, pp. 602-615.
26. Earnest D.C. Coordination in Large Numbers: An Agent-Based Model of International Negotiations. *International Studies Quarterly*, 2008, vol. 52, no. 2, pp. 363-382.
27. Vaubel R., Willett T.D., eds. *The Political Economy of International Organizations: A Public Choice Approach*. Boulder, Westwood Press, 1991. 311 p.
28. Vaubel R. The Public Choice Analysis of European Integration: A Survey. *European Journal of Political Economy*, 1994, vol. 10, pp. 227-249.
29. Frey B. The Public Choice of International Organization. *Perspectives on Public Choice*. D. Mueller, ed. Cambridge, Cambridge University Press, 1997, pp. 106-123.
30. Alesina A., Spolaore E., Wacziarg R. Economic Integration and Political Disintegration. *American Economic Review*, 2000, vol. 90, no. 5, pp. 1276-1296.
31. Frey B., Stutzer A. Strengthening the Citizens' Role in International Organizations. *Review of International Organizations*, 2006, vol. 1, no. 1, pp. 27-43.
32. Cohn T.H. *Global Political Economy*. New York, Addison-Wesley, 2000. 448 p.
33. Gilpin R., Gilpin J.M. *Global Political Economy: Understanding the International Economic Order*. Princeton, Princeton University Press, 2001. 440 p.
34. Oatley T. *International Political Economy: Interests and Institutions in the Global Economy*. New York, Pearson, 2001. 430 p.
35. Ravenhill J., ed. *Global Political Economy*. Oxford, Oxford University Press, 2005. 560 p.
36. Viner J. *The Customs Union Issue*. New York, Carnegie Endowment for International Peace, 1950. 256 p.
37. Meade J. *The Theory of Customs Unions*. Amsterdam, North-Holland Publishing Co., 1955. 121 p.
38. Balassa B. *The Theory of Economic Integration*. Homewood, Richard D. Irwin, 1961. 318 p.
39. Mundell R.A. A Theory of Optimum Currency Areas. *American Economic Review*, 1961, vol. 51, no. 4, pp. 657-665.
40. *Вехи экономической мысли: том 6. Международная экономика*. Пер. с англ. под общ. ред. Киреева А.П. ГУ-ВШЭ, Институт "Экономическая школа". Москва, ТЕИС, 2006. 720 с. [*Vekhi ehkonomicheskoi mysli: Vol. 6. Mezhdunarodnaya ekonomika* [The Milestones of Economic Thought: Vol. 6. International Economics], Trans. from Engl. Kireev A.P., ed. National Research University Higher School of Economics. Institut "Ekonomicheskaya shkola". Moscow, TEIS, 2006. 720 p.]

41. Олейнов А.Г. Политический процесс сквозь призму экономической науки: комплексный подход. *Полис*, 2009, № 112 (4), сс. 53-71. [Oleinov A.G. Politicheskii protsess skvoz' prizmu ekonomicheskoi nauki: kompleksnyi podkhod [Political Process through the Prism of Economics: the Complex Approach]. *Polis*, 2009, no. 112 (4), pp. 53-71.]
42. Нуреев Р.М. Политическая экономия: старая и новая. *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, 2011, № 3 (3), сс. 4-9. [Nureev R.M. Politicheskaya ekonomiya: staraya i novaya [Political Economy: Old and New]. *Journal of Institutional Studies*, 2011, no. 3(3), pp. 4-9.]
43. *European Association for Evolutionary Political Economy (EAPEE)*. Available at: <http://eaape.org/?page=about&side=history> (accessed 15.06.2016).
44. Ravenhill J., ed. *Global Political Economy*. New York, Oxford University Press, 2014. 570 p.
45. Cohn T.H. *Global Political Economy*. New York, Routledge, 2016. 448 p.
46. Oatley T. *International Political Economy: Interests and Institutions in the Global Economy (5 Edition)*. New York, Routledge, 2013. 430 p.
47. Frieden J.A., Lake D.A., Broz J.L. *International Political Economy: Perspectives on Global Power and Wealth*. New York, W.W. Norton & Company, 2009. 608 p.
48. Kindleberger C. *The World in Depression: 1929–1939*. Berkeley, University of California Press, 1973. 336 p.
49. Keohane R., Nye J. Transnational Relations and World Politics: An Introduction. *International Organization*, 1971, vol. 25, no. 3, pp. 329-349.
50. Huntington S.P. Transnational Organizations in World Politics. *World Politics*, 1973, vol. 25, no. 2, pp. 333-368.
51. Rosenau J.N. *The Study of Global Interdependence. Essays on the Transnationalization of World Affairs*. London, Frances Pinter, 1980. 334 p.
52. Krasner S.D., ed. *International Regimes*. Ithaca, Cornell University Press, 1983. 384 p.
53. Keohane R. *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton, Princeton University Press, 1984. 304 p.
54. Афонцев С.А. Политические рынки и регулирование экономических процессов. *Политика институциональных преобразований: от теории к практическим рекомендациям*. Под ред. С.А. Афонцева. Москва, ИМЭМО РАН, 2013, сс. 26-45. [Afontsev S.A. Politicheskii rynki i regulirovanie ekonomicheskikh protsessov [Political Markets and Regulation of Economy]. *Politika institutsional'nykh preobrazovaniy: ot teorii k prakticheskim rekomendatsiyam* [The Politics of Institutional Changes: from Theory to Practical Recommendations]. Afontsev S.A., ed. Moscow, ИМЭМО РАН, 2013, pp. 26-45.]
55. Alesina A., Grilli V. On the Feasibility of a One Speed or a Multi Speed European Monetary Union. *Economics and Politics*, 1993, vol. 5, no. 2, pp. 145-165.
56. Marks G., Hooghe L. Unravelling the Central State, but How? Types of Multi-level Governance. *American Political Science Review*, 2003, vol. 97, no. 2, pp. 233-243.
57. Helliwell J.F. National Borders, Trade and Migration. *Pacific Economic Review*, 1997, vol. 2, no. 3, pp. 165-185.
58. Anderson J.E., van Wincoop E. Gravity with Gravitas: A Solution to the Border Puzzle. *American Economic Review*, 2003, vol. 93, no. 1, pp. 170-192.
59. Blomberg S.B., Rosendorff B.P. A Gravity Model of Globalization, Democracy and Transnational Terrorism. *Guns and Butter: The Economic Causes and Consequences of Conflict*. Hess G.D., ed. Cambridge, MIT Press, 2009, pp. 25-56.
60. Putnam R. Diplomacy and Domestic Politics: the Logic of Two-Level Games. *International Organization*, 1988, vol. 42, no. 3, pp. 427-460.
61. Grossman G., Helpman E. Trade Wars and Trade Talks. *Journal of Political Economy*, 1995, vol. 103, no. 4, pp. 675-708.
62. Maggi G., Rodríguez-Clare A. A Political-Economy Theory of Trade Agreements. *American Economic Review*, 2007, vol. 97, no. 4, pp. 1374-1406.
63. Bolton P., Roland G. The Break up of Nations: a Political Economy Analysis. *Quarterly Journal of Economics*, 1997, vol. 112, no. 4, pp. 1057-1090.
64. Hamada K. Alternative Exchange Rate Systems and the Interdependence of Monetary Policy. *National Monetary Policies and the International Financial System*. Aliber R.Z., ed. Chicago, University of Chicago Press, 1974, pp. 13-33.
65. Hamada K. A Strategic Analysis of Monetary Interdependence. *Journal of Political Economy*, 1976, vol. 84, no. 4, pp. 677-700.
66. Barro R.J., Gordon D.B. Rules, Discretion and Reputation in a Model of Monetary Policy. *Journal of Monetary Economics*, 1983, vol. 12, no. 1, pp. 101-121.
67. Oudiz G., Sachs J. Macroeconomic Policy Coordination among the Industrial Economies. *Brookings Papers on Economic Activity*, 1984, vol. 1, pp. 1-76.
68. Miller M., Salmon M. Policy Coordination and Dynamic Games. *International Economic Policy Coordination*. Buitter W., Marston R., eds. Cambridge, Cambridge University Press, 1985, pp. 184-213.
69. Rogoff K. Can International Monetary Policy Cooperation be Counterproductive? *Journal of International Economics*, 1985, vol. 18, no. 3–4, pp. 199-217.
70. Медведев С.А., Томашев И.А. Концепция глобальных общественных благ: возможности и ограничения. *Мировая экономика и международные отношения*, 2010, № 12, сс. 38-47. [Medvedev S.A., Tomashev I.A. Kontsepsiya global'nykh obshchestvennykh blag: vozmozhnosti i ogranicheniya [The Concept of Global Public Goods: Possibilities and Constraints]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2010, vol. 12, pp. 38-47.]

INTERNATIONAL POLITICAL ECONOMY: SUBJECT MATTER AND METHOD

(World Economy and International Relations, 2017, vol. 61, no. 2, pp. 54-64)

Received 30.07.2016.

Anton G. OLEYNOV (oleinov@mgimo.ru),

MGIMO-University, 76, Prosp. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation.

The paper is focused on an inter-disciplinary field of academic research of international relations – international political economy (IPE). The author starts with a study of theoretical and methodological background and evolution of IPE with the aim to generalize the subject matter of the discipline and its method. These aspects of IPE are considered against the background of the subject matters and the methodologies of the traditional approaches to the study of international relations: the theory of international relations (TIR) and the international economics (IE). Eventually, the statement of IPE research fundamentals is articulated. Further on, the paper continues with a study of the conceptual and formal levels of the discipline. In the absence of a unified research design among the political economy scholars a general conceptual framework of IPE is formulated. The multi-level, multi-factor and multi-actor nature of international relations within this framework is analyzed in comparative way to the political and economic paradigms of international relations and further is verified by conceptualization of such a major phenomenon as the globalization. It is shown that from IPE premises the globalization is considered as a complex case that covers both material (goods, migration, etc.) and non-material (information, finances, etc.) processes involving all kinds of social formations in various fields of human activity. As a result, the IPE framework reveals more realistic causes and consequences of globalization to be compared with the theory of international relations or the international economics. Finally, the research realized in the paper concludes by stating the existence of a theoretical core in IPE and identifying its key elements. These elements are matched against the axiomatics of the traditional approaches to the study of international relations.

Keywords: international political economy, international relations, international relations theory, international economics.

About author:

Anton G. OLEYNOV, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Department of World Economy.

DOI:10.20542/0131-2227-2017-61-2-54-64